

П. СТРОСОН ОБ ОБОСНОВАНИИ РАЗЛИЧИЕНИЯ СУБЪЕКТА И ПРЕДИКАТА СУЖДЕНИЯ¹

Е.Н. Суханова

Рассматривается трактовка различения субъекта и предиката суждения, предложенная П.Ф. Стросоном. Стросон находит обоснование асимметрии терминов суждения в анализе нереляционных связей универсалий и партикулярий. «Неполнота» предикатных выражений и «полнота» субъектных выражений объясняется несовпадением качества знания, определяющего вхождение того или иного вида терминов в суждение.

Ключевые слова: субъект, предикат, универсалии, партикулярии, «неполнота», П.Ф. Стросон, Ф.П. Рамсей

Книга оксфордского философа П.Ф. Стросона (P.F. Strawson, 1919–2006) «Индивиды. Очерк дескриптивной метафизики» [1] разделена на две части, которые можно условно назвать «метафизической» и «логической». В «метафизической» части Стросон доказывает выделенность положения материальных тел и личностей в идентифицирующей схеме языка. Затем философ несколько меняет горизонт и направление своего исследования. Во второй, «логической», части «Индивидов» он обращается уже не к классификации собственно партикулярий, а к фундаментальной философской оппозиции отдельного и общего (партикулярий и универсалий) и к традиционно связываемому с ней логическому различению субъекта и предиката суждения.

Две линии аргументации, соответствующие двум частям книги, независимы друг от друга. Но Стросон сомневается относительно того, «можно ли понять основные темы одной из частей, не принимая во внимание основных тем другой» [2]. Нам кажется разумным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (НШ-5887.2008.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в составе федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1., проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

рассматривать вторую часть как аппликацию выводов первой, как пример приложения достигнутых результатов в сфере построения оригинальной теории референции и предикации. Прямым отражением метафизических изысканий Стросона в плоскости логики, очевидно, является его доктрина о *пресуппозициях*, использованная в характеристике «полноты», завершенности (completeness) субъектных выражений – центрального понятия стросоновской логики.

Изложение своей позиции Стросон начинает с замечания о нейтральности понятия введения термина в суждение. Как партикулярные, так и универсальные термины вводятся в суждения посредством определенных выражений, являются конституэнтами суждения. Отдельно взятое суждение имеет свой субъектный термин и свой предикатный термин. Однако анализ *одного конкретного* суждения ничего не позволяет сказать о характере отношений партикулярных и универсалий к различению субъект – предикат, поскольку бывает так, что один и тот же термин в *разных* суждениях может кочевать из одной позиции в другую.

В качестве первого шага к требуемой спецификации категорий партикулярного и универсального Стросон предлагает объединить термины (как нелингвистические единицы) с фиксированными лингвистическими частями предложения, однозначно различимыми во всяком предложении и поэтому коррелирующими с идеей суждения вообще. Объединяя термин и грамматическую роль вводящего термин выражения в одно, Стросон получает нелингвистический дубликат дистинкции подлежащего (отсылающего выражения) и сказуемого (приписывающего выражения), а именно, различие *объекта* и *понятия*. Поскольку ни одно отсылающее выражение не может использоваться для предикирования, постольку ни один объект нельзя предикировать; поскольку ни одно приписывающее выражение само по себе не может использоваться как отсылающее выражение, постольку ни одно понятие не может быть объектом.

Исходя из этого Стросон выдвигает «*грамматический*» критерий различения субъект – предикат, при котором понятие введения термина лишается своей первоначальной индифферентности благодаря рассмотрению разницы в *стиле*, манере введения термина. Стиль введения терминов – это то, о чем мы узнаем из грамматических справочников отдельных языков. Здесь нас интересует разница между субстантивным (noun-like) и глагольным (verb-like) стилями. Зачастую в способе введения существительного не содержится ука-

зания на вид всей ремарки. (Эта трудность особенно заметна, если мы рассматриваем нефлективные языки. Например, форма слова «Socrates» в предложении «Slay Socrates!» ничем не отличается от формы в «Socrates is wise». Но и в случае с флективными языками могут встречаться подобные сложности.) Однако по-другому дело обстоит с глагольным стилем: здесь всегда присутствует утвердительность, некая пропозициональная черта, предполагающая возможность истинностной оценки суждения. Именно эта черта разделяет субъект и предикат, запрещает свободный переход выражений из одной позиции в другую.

Конечно, выделенный грамматический критерий не объясняет фундаментального различия отдельных вещей и универсалий: он вообще ничего не говорит о типах терминов, видах объектов. Он устанавливает лишь необходимые условия того, чтобы выражение было субъектным или предикатным. Следовательно, грамматического критерия недостаточно; он должен быть дополнен квалификациями иного толка, которые не зависели бы от строя конкретного языка и обеспечили бы обоснование этих грамматических классификаций выражений.

Поэтому Стросон прибегает к другому критерию, опирающемуся не на стилевые свойства выражений, а на категориальные различия в терминах. На наш взгляд, этот ход подсказан не только внутренней логикой исследования. Детали дальнейшей аргументации зачастую содержат прямой ответ Ф.П. Рамсею, который скептически относился к тому, чтобы считать принципиальным выделение субъекта и предиката суждения, и в особенности к тому, чтобы связывать это различие с различием видов объектов. Зафиксируем основные моменты рамсеевской критики, чтобы лучше уяснить мотивы, движущие Стросоном.

Критицизм Рамсея непосредственно направлен на позицию Б. Рассела, на его констатацию асимметрии партикулярий и универсалий по отношению к различению субъект – предикат. Доктрина Рассела зиждется на трех основных пунктах. Во-первых, прилагательное (предикатное выражение) вообще не может быть субъектом по той причине, что в нем есть «какая-то неполнота, некое предвосхищение формы пропозиции; поэтому символ прилагательного никогда не может стоять в одиночку... должен быть дополнен до пропозиции, в которой он является предикатом» [3]. Пожалуй, единственное исключение – высказывания более высокого порядка (о свойствах свойств) [4].

Во-вторых, по Расселу, отношение между двумя элементами не может быть третьим элементом – на то оно и отношение. И в-третьих, Рамсей считает важной предпосылку о фундаментальной антитезе между субъектом и предикатом, а именно, сомнительный вывод, что если суждение состоит из двух связанных элементов, то эти два элемента обязательно должны функционировать разными способами. Но наиболее уязвимая сторона теории Рассела, согласно Рамсею, – это плохо мотивированный перенос двойственности субъектных и предикатных знаков на онтологическое деление объектов. Силы аргументов Рассела недостаточно для такого заключения.

Для Рамсея остается неясным расселовское понятие «неполноты» выражения. По его мнению, *ни один* символ не является полным, поскольку составляет суждение, только будучи соединенным с еще одним символом. К тому же «в достаточно гибком языке любая пропозиция может быть выражена так, чтобы любой ее элемент являлся субъектом» [5]. То есть мы легко можем изменить тот самый «грамматический стиль» введения выражения на противоположный, обратить «Сократ мудр» в «Мудрость является характеристикой Сократа», не изменяя значения суждения. Очень наглядно этот недостаток грамматического критерия представлен и у Стросона [6]: взяв два вводящих термины выражения «Сократ» и «Мудрость», а пропозициональную «черту» обозначив скобками, суждение можно выразить так: (Сократ Мудрость). Учитывая возможности грамматических вариаций, мы получим следующие комбинации:

Сократ (Мудрость) – когда пропозициональную черту несет на себе «Мудрость»;

(Сократ) Мудрость – когда пропозициональной чертой обладает выражение «Сократ»;

Сократ Мудрость – будет просто перечислением, списком;

(Сократ) (Мудрость) – будет грамматически неверным.

Для Рамсея индикатор пропозициональности – *обособляемая* характеристика термина. Поэтому ограничение преобразования «(Сократ Мудрость)» – в «Сократ (Мудрость)» можно, а в «(Сократ) Мудрость» нельзя – является совершенно конвенциональным, обуславливается прагматическим решением, потребностями конкретной теории, а не онтологическими различиями. «Быть существительным – это не объективное, но субъективное свойство в том смысле, что оно в действи-

тельности зависит не от сознания кого-то одного, но от общих элементов в целеполаганиях и сознаниях всех людей» [7].

Естественно, Стросон уверен, что это не так, хотя он и признает несовершенство грамматического критерия. Его новый, «*категориальный*», критерий базируется на рассмотрении терминов как принципов собирания других терминов, на анализе так называемых нереляционных связей (non-relational ties). Согласно Стросону, мы можем разделить универсалии на два основных вида: сортовые и характеризующие.

Сортовые универсалии (обычно они выражены общими существительными) подводят собираемые ими партикулярии под один вид (например, Платон, Сократ, Аристотель – все они являются *философами*). В свою очередь, партикулярия может быть примером разных видов (*Сократ* – философ, грек, человек). При такой сортовой нереляционной связи принцип, согласно которому сортовая универсалия собирает примеры, – это похожесть определенных партикулярий между собой, а принцип, по которому партикулярия собирает универсалии, это субординация, подчиненность примера сорту.

Характеризующие универсалии (выраженные глаголами, прилагательными) группируют партикулярии также по принципу их сходства (*Сократ*, *Платон*, *Аристотель мудры*), а основание, на котором партикулярия собирает характеризующие универсалии (*Сократ* мудрый, справедливый, старый), – продолжительная тождественность этой партикулярии.

Далее Стросон отмечает очевидную аналогию между способами, которыми оба вида универсалий собирают партикулярии (устойчивое сходство между партикуляриями); но эта аналогия не распространяется на способы, которыми партикулярии собирают универсалии. Стросон считает правомерным вывести отсюда определение предикации: «*у* предикаруется *х*» означает утверждение, что *х* нереляционно связан с *у*: либо он есть пример *у*, либо охарактеризован посредством *у*.

Таким образом, в особенностях нереляционных связей, обуславливающих категориальное различие между терминами, находит свое обоснование и асимметрия субъекта и предиката, двух модусов термина, введенного в суждение. Грамматический и категориальный критерии поддерживают друг друга, несмотря на возникающие между ними напряженности. Язык заинтересован в сохранении различения отдельных вещей и их свойств, предоставляя нам инструмент парафразы, позволяющий проанализировать высказывание так, чтобы с достаточной четкостью установить тип вхождения термина.

Подтвердить ассоциированность, родственность двух критериев может исследование *условий* введения партикулярных и универсальных терминов. Как было показано, существует контраст в способах введения различных видов терминов. Стросон предлагает усилить этот контраст, представив его в другой форме: он выдвигает тезис, что введение термина существенным образом подразумевает идею *идентификации*. Это сквозная идея «метафизической» картины Стросона, и она же подытоживает его логические выкладки.

Итак, Стросон возвращается к уже известной коммуникативной модели: когда говорящий сообщает адресату информацию о какой-то одной определенной вещи. Очевидно, что для успеха идентифицирующей референции к вещи в данной ситуации должны выполняться три условия: во-первых, нужно, чтобы была партикулярия, которую имеет в виду говорящий; во-вторых, должна быть партикулярия, которую адресат считал бы той партикулярией, на которую ссылается говорящий; в-третьих, нужно, чтобы партикулярия говорящего была тождественна партикулярии адресата. Далее Стросон исследует, что скрывается за этими условиями, что является их исполнением. Когда говорящий способен совершить отсылку к партикулярии – только к одной, конкретной вещи? Тогда, когда у него наготове имеется дескрипция, уникальным образом относящаяся именно к этой партикулярии (но не содержащая фразы «та, которую я имею в виду»). То есть говорящему должно быть известно некоторое истинное *эмпирическое суждение*, подтверждающее, что существует одна (и не более чем одна!) партикулярия, о которой и идет речь. Подобное же условие (готовность дать дескрипцию) должно выполняться и в отношении адресата. Третий пункт – тождественность партикулярий говорящего и адресата – требует не совпадения дескрипций говорящего и адресата, но лишь уникальности их применения с обеих сторон.

Эти достаточно простые рассуждения (отчасти уже знакомые нам по стросоновскому доказательству единства концептуального каркаса человеческого познания) становятся по-новому интересны и значимы, когда мы переходим к обсуждению условий введения в суждение *универсального* термина. Здесь мы обнаруживаем отсутствие параллелей в условиях. В самом деле, истинностью известного говорящему общего эмпирического суждения «нечто является *таким-то*» условия введения универсалии не исчерпываются, ибо мы не должны забывать еще об одном типе суждений, включающих универсалии, – о суждениях типа «*ничто* не является *таким-то*». Поэтому всем требованиям спол-

на отвечает только дизъюнкция этих двух условий: либо нечто является таким-то, либо ничто таким-то не является. Но это уже не эмпирическое суждение, а логическая тавтология.

В итоге, по Стросону, при введении универсалии затребован лишь факт о языке, тогда как для введения партикулярного термина необходим *известный* определенный (definite) факт о мире, принадлежащий единой истории мира. Конечно, пользователям языка многие значения универсальных терминов становятся известны благодаря тому, что они были проиллюстрированы примерами (эмпирическими). Но это не значит, что во всякой коммуникативной ситуации, для возможности любого разговора они должны быть так проиллюстрированы: они не являются *темой* разговора, поэтому не нуждаются в особой спецификации, ибо если люди беседуют, следовательно, они владеют общим языком. Для введения универсалии требуется только знание языка.

Установленное несовпадение качества знания, определяющего входение того или иного вида терминов в суждение, дает возможность углубить и развить идею «неполноты» выражения, которая упоминалась Стросоном при обсуждении грамматического критерия, но оставалась весьма смутной. И субъектные, и предикатные выражения одинаково неполны в том смысле, что само по себе каждое из них представляет только часть суждения. Но теперь возможна дополнительная характеристика степени их самостоятельности – через принятую дистинкцию между:

1) такими выражениями, что мы не можем знать, *что* они вводят, не зная заранее (или не уяснив из их настоящего употребления) некоторый отличительный эмпирический факт об объекте, который они вводят;

2) такими выражениями, что мы прекрасно можем знать, *что* ими вводится, не зная никакого отличительного факта о том, *что* они вводят.

То есть в выражениях (1) имплицитно заложен факт, который не обязательно проговаривать в контексте каждой ситуации общения (но этот факт обязателен как потенция, как залог значимости выражения – как скрытая *предупозиция*). В этом смысле они самодостаточны в отличие от выражений (2), которые способны лишь *помогать* нести факт, да и то только в составе *эксплицитного* утверждения, т.е. в соединении с другим выражением.

То, что право представлять факт, право выполнять референциальную функцию неравномерно распределено среди выражений, объясняет и обосновывает логическое деление термов на субъектные и предикатные. Пожалуй, это утверждение суммирует результаты исследования Стросона в данной области, синтезирует все возможные критерии этого различия.

Резюмируя, сделаем акцент на тех тезисах Стросона, которые, на наш взгляд, подчеркивают и развивают положения его фундаментальной метафизической доктрины.

Налицо совпадение целей двух линий аргументации: метафизической и логической. И в том, и в другом случае Стросон заинтересован в экспликации концептуализирующего механизма языка (мышления). Сначала это делается путем отыскания отношения, подходящего для образования универсальной единой «сети» онтологических единиц, фиксируемых языком. Носители этого отношения (пространственно-временных характеристик) объявляются базисными элементами структуры знания о мире. Теперь фундаментальность найденных элементов предстает в ином качестве: как парадигма логического субъекта суждения. Материальные тела и личности – это те виды партикулярий, которых держатся все остальные виды, чтобы *быть известными* нам. Материальные тела и личности – это те сущности, продолжительная тождественность которых обеспечивает устойчивость набора пресуппозиций, необходимого для человеческого общения.

Логика для Стросона – это прежде всего логика мышления, а не построение исчисления для специальных нужд. Поэтому лучше понять его доктрины помогло бы не сравнение его понятия *полноты* с предложенным Г. Фреге понятием *ненасыщенного места* функции, практически целиком оторванной от проблем познания внешнего мира (по той причине, что эпистемологические вопросы Фреге не волновали [8]), а сопоставление его теории пресуппозиций с положениями философии здравого смысла (как она представлена, например, у Дж.Э. Мура) или с некоторыми концепциями позднего Л. Витгенштейна.

Стросоновское утверждение об обязательности «фонда общих знаний» напоминает размышления Витгенштейна о правилах языковой игры в «знание», в «достоверность» [9], где он разделяет две плоскости: систематизированный «остов» всего нашего оперирования мыслями, включающий не только предложения логики, но

и эмпирические предложения [10], и собственно те предложения, из которых составлены наши повседневные диалоги. Витгенштейн запрещает относить понятие «знания» к «незыблемым» суждениям первой группы, поскольку они являются принципами суждений другой группы, условиями или правилами разговора о «знании». («Если истинно то, что обоснованно, то основание не является ни истинным, ни ложным» [11]. Аналогично: условие знания само не является предметом знания.) Стросон же говорит о фонде идентифицирующих *знаний*, но отмечает, что «факт существования объекта не *утверждается* говорящим. Он составляет *презумпцию* говорящего» [12]. Тем самым Стросон различает два «модуса» знания: дискурс (эксплицитное утверждение) и горизонт, в котором он осуществляется (имплицитное предположение).

Вероятно, Витгенштейн согласился бы с тезисами Стросона о презумпции (частичной) неосведомленности (беседа затевается ради обмена новой информацией об объектах) и презумпции осведомленности (разговор происходит на фоне предварительного общего знакомства с предметом), конституирующими дискурс. Оба философа приветствуют многомерную модель языка, указывают на наличие глубинных слоев этой «формы жизни», на тесную связь языка с другими сферами деятельности человека. Однако есть существенная разница в концепциях двух мыслителей. Если Витгенштейн считает непроговариваемый базис рассуждения продуктом конвенции, принятой из-за ее практического удобства, то Стросон подчеркивает не просто относительную стабильность, но концептуальную необходимость такого образования – регресса идентифицирующих дескрипций, содержащих демонстративные определения, который в конце концов приходит к «результатирующим» положениям о существовании партикулярий.

Примечания

1. См.: *Strawson P.F.* Individuals: An essay in descriptive metaphysics. – L.: Methuen & Co Ltd, 1959. – 255 p.

2. Ibid. – P. 12.

3. *Рамсей Ф.П.* Универсалии // Рамсей Ф.П. Философские работы. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 82–83. (Библиотека аналитической философии).

4. См.: *Кюнз Г.* Онтология и логический анализ языка. – М.: ДИК, 1999. – С. 54–55.

5. Рамсей Ф.П. Универсалии. – С. 84.
6. См.: *Strawson P.F. Individuals...* – P. 162–164.
7. Рамсей Ф.П. Универсалии. – С. 94.
8. См.: *Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна.* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 308 с.
9. См.: *Витгенштейн Л. О достоверности* // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 321–407.
10. Там же. – § 211, 401.
11. Там же. – § 205.
12. См.: *Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение* // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып. 13. – С. 115.

Томский государственный
университет, г. Томск
E-mail: ekanss@rambler.ru

Sukhanova, Ye. N. P Strawson on explanation of subject-predicate distinction

The paper considers P.F. Strawson's interpretation of subject-predicate distinction. To explain the asymmetry of proposition terms, Strawson analyses «non-relation ties» between universals and particulars. He explains «incompleteness» of predicate expressions and «completeness» of subject ones by discrepancy in types of knowledge determining entry of a certain term into a proposition.

Keywords: subject, predicate, universals, particulars, «incompleteness», P.F. Strawson, F.P. Ramsey